

Александр Топилов

Только гибель делает прекрасное еще более совершенным

На конкурсе «Одесса 56» для печати в альманахе мы отобрали этот рассказ Александра Топилова. У него два достоинства. Во-первых, он короткий. Во-вторых, как антиутопия он поучителен. Если мы и дальше будем бороться с памятью и памятниками, мы потеряем Одессу.

– Господа! Нам дали Дюка! Я прошу всех собраться и сосредоточиться, это очень важный проект для нашей компании... Да и, что там говорить – для всего города, пожалуй, да... – Артем гордо поправил идеально сидевшие очки, деланно поискал бутылку воды, взял ее, тут же поставил на место и в каком-то снисходительно-победном жесте слегка развел руками. – В общем, я поздравляю всех нас! И запомните, мы должны выдать свою лучшую работу!

Артем с ленивой элегантностью приподнялся и негромко и неспешно зааплодировал собственной речи, тут же снова с облегчением погрузившись в директорское кресло. На совещании присутствовал основной костяк его небольшого, но известного в городе рекламного агентства. Всего 5 человек. Включая его, Артема, директора компании. Так что никаких оваций он не сорвал, не было бури аплодисментов. Только арт-директор Костя и ведущий менеджер проектов Викуля лениво похлопали, но, быстро осознав неуместность, тут же и прекратили. Остальные участники совещания, Богдан и Сергей, посмотрели на них с циничным снисхождением.

– Мне не понравилась твоя речь, Артем, так что давай к делу. Тебе дали визуализацию? Мы увидим наконец этот ужас, о котором мы должны всем рассказать, насколько он чертовски хорош? – копирайтер Богдан был настроен, как всегда, предельно осуждающе.

Ему не нравилось. Ему все не нравилось. Ему не нравилась вся эта идея с Новым Дюком, ему не нравилось, что произошло со старым Дюком, ему не нравилась его профессия, его работа, его рекламное агентство. Директор Артем ему тоже не нравился. И тот метод, которым он получает все крутые заказы. Кстати, заказы эти Богдану не нравились еще больше. А их воплощение он, как правило, вообще считал абсолютным провалом. Но при этом Богдан был блестящим профессионалом, к тому же, его цинизм порой невольно помогал выйти из креативного тупика. Богдан знал Артема еще со студенческих времен, и он был прекрасно осведомлен о том, что их директор был одноклассником нынешнего вице-мэра Одессы, который сплавлял ему все крупные рекламные кампании города. Разумеется, Богдану это очень не нравилось. Он справедливо полагал, что кумовство в Одессе неизлечимо: оно всегда есть и будет. На этом город и стоит. И Богдану это не нравилось.

– Богданчик, родной ты мой, ну а зачем я вас сегодня всех позвал, как ты думаешь? – Артем деланно рассмеялся собственной шутке, пусть даже и не смешной. Вика снова его подхватила, снова быстро осеклась и снова была удостоена уничижающих взглядов от своих коллег – уже от троих.

Артем на самом деле был очень приятным парнем. В коллективе его все любили. Даже Богдан. Несмотря на то, что он ему не нравился. Он был молод, красив, интеллигентен и элегантен. Его манеры были безупречны, а нелепости и некоторый абсурд столкновения его личности с реальностью были предельно симпатичны и обаятельны. Наконец, у Артема были связи, что для рекламного бизнеса весьма немаловажно.

– Итак, господа, и, конечно же, ты, Богданчик, тоже, прошу всех: внимание на центр комнаты!

У Артема по старой привычке работы с клиентами появился необычайный пафос во всем его виде. Он встал из-за стола и медленно, но ритмично прошел к центру кабинета, в котором проходило совещание. Свет стал постепенно затухать. И вместе с этим из абсолютной тишины в помещении вдруг послышались начальные фанфары из «Так говорил Заратустра» Штрауса. И вот уже комната погрузилась в темноту, Штраус только начал свою безупречную потаенность, и прямо в центре кабинета начала

проявляться визуализация-голограмма. Артем, постепенно входя в раж докладчика, приступил к презентации:

– Одесса без Дюка – это не улыбка Бога, а скорее насмешка и какое-то форменное издевательство. С тех пор, как эти идиоты взорвали наш старый... Так, сейчас, секундочку... – Артем замешкался, засуетился, в комнате резко включился свет и замолчала музыка. – Жена на связи... Дайте мне 2 минуты.

Артем просто подошел к своему столу, отрешенно отвернулся от всех и включил связь с супругой. Со стороны это выглядело, будто он просто подошел к окну и с ним же и разговаривает. Вопрос с гаджетами был закрыт уже лет 10 назад, с приходом многофункционального чипирования. Теперь у тебя компьютер, телефон, интернет и всякое такое было просто в голове.

– Да, любимая, привет. Что? Кто? Клещ? Какой клещ? Наташа, ну о чем ты говоришь? Так, тихо, прекрати истерику. Откуда ты вообще знаешь, что это клещ? Я в жизни никогда не встречал клещей. А, бабушка сказала... Ясно... Ну, ты это... Я, кстати, это... Подожди, Наташ, я, кстати, всегда ставил под сомнение энциклопедичность знаний твоей бабушки... Алло. Алло? Наташа? Есть кто на связи? Аллоооо?

Постояв еще секунду у окна, Артем наконец развернулся к коллективу и задумчиво проронил:

– Гм, только мою Наташу в середине 21 века может укусить клещ. Откуда она вообще знает, как он выглядит?

– Артем, давай к делу, и так работы невпроворот!

Это уже арт-директор Костя не выдержал. Ему не терпелось посмотреть на визуальное воплощение Нового Дюка, проекта, который наделал немало шума в городе. Костя был агрессивным приверженцем всего нового. Он был настоящим сыном своей эпохи, просто не умеющим жить без технологических новинок. Костя даже специально переехал из экологически чистого, очищенного от автомобилей и полностью велосипедно-пешеходного центра города, где он жил в старой бабушкиной квартире, в район Новых Черемушек, ставшим центром инновационных технологических усовершенствований, где все дома были предельно компьютеризированы и связаны в одну сеть. В центре города активисты так и не дали сделать все это.

– Да-да-да, ребята, простите... Итак, Одесса!

Снова стал затухать свет, снова вступили фанфары «Заратустры». Богдан закрыл глаза руками и пробормотал как бы про себя:

– Господи, ну можно хоть одну презентацию провести без этого Заратустры, а?

Одной Викуле все нравилось. Ей, в отличие от Богдана, всегда и все нравилось, о чем она не замедлила сообщить:

– Знаете, а мне все нравится! Да!

– Что, Викуля, тебе нравится? – Богдан был, как обычно, предельно саркастичен.

– То, что тебе не нравится.

– То есть – все?

– Да – все.

– Так, хватит. Прошу тех, кому это неинтересно, покинуть мой кабинет, – Артем как руководитель компании мог включить максимального строгача. – Все? Успокоились? Ладно, продолжим.

Композиция Штрауса уже вошла в фазу активного развития, в темноте комнаты медленно вращалась постоянно меняющаяся скульптура Дюка. Артем, забыв о нужном ритме презентационной речи, начал быстрой скороговоркой:

– Итак, одним из важнейших и масштабных событий на праздничных мероприятиях, посвященных Дню города, будет открытие Нового Дюка. Это амбициозный высокотехнологичный проект, призванный показать важность преемственности архитектурных форм и новых строительных возможностей. Цифровая архитектура, оперирующая идеями совмещения реальной и виртуальной действительности, уже давно покорила мировые городские пространства. Однако проект Нового Дюка интересен прежде всего тем, что это первая попытка восстановления старых академических архитектурных форм с помощью новейших технологий. Дюк будет предельно функциональным: на протяжении дня его форма будет меняться, он будет чувствителен к окружающим факторам, будет заранее оповещать об изменениях погоды, будет интерактивным и общительным. Он будет усиленно взаимодействовать с виртуальной плоскостью городских реалий. Таким образом, Новый Дюк должен продемонстриро-

вать гибридные прототипы, связанные с архитектурой, наукой и технологией, став настоящей жемчужиной инновационного проектирования.

– Жемчужиной?

Никто не удивился реплике креативного директора Сергея. Богдан снова деланно прикрыл глаза руками, пробормотав про себя: «Начинается». Викуля нервно заерзала в своем кресле, физически чувствуя приближение неприятностей. Костя, равнодушно вытянувший ноги на длину всего своего тела прямо в кресле, решил высказаться с некоторым вызовом:

– Да, Сергей, жемчужиной. Это отсылка к «жемчужине у моря». Это правильный лексический выбор в метафорике презентационного текста. Жемчужина инновационного проектирования – в этом уже слышится непрямая ассоциация с Одессой!

Сергей был в прямой оппозиции с Костей. Он был ярый ретроград и сторонник некомпьютерного развития цивилизации. Он был активистом всех движений – от экологов до спасения моноколеса как удобного городского транспорта.

– Артем, убери это слово, – Сергей ни на секунду не обратил внимания на Костю, как будто его там не было вовсе.

– Сергей, ну прекрати, пожалуйста. Все тебя понимают, все считаются с твоим мнением и с твоими... Мммм... Просьбами, да... Но... Это уже слишком, Серега, родной ты мой...

– Слишком? Ты считаешь, что если я прошу убрать одно слово из презентации – это слишком? Знаешь, что такое слишком? В этом году в Одессе с невероятным шумом прошло открытие одного из высочайших небоскребов Европы «Жемчужина тысячи и одной ночи». И знаешь, почему у нее такое вопиюще поэтическое имя? Потому что это 1001-й небоскреб от этой строительной компании, построенный в Одессе. Вот что такое слишком!

– Мне с самого начала это не нравилось...

– Что тебе не нравилось, Богданчик? – Вика вызывающе блестя глазами. Она становилась очень выразительной и харизматичной, когда пыталась отстоять свою точку зрения. – Что нашему агентству поручили сделать правильную презентацию важнейшего мультикультурного памятника?

– Так, ребята, хватит! *Хватит!* Ну я же попросил – соберитесь! Засуньте вашу личную субъективочку куда подальше и давайте работать!

Артем не на шутку вышел из себя. Никто не заметил, когда прекратила играть музыка. Темноту ненавязчиво, но довольно ярко подсвечивала вращающаяся в центре кабинета визуализация памятника.

– Вы видите. Вы сами все видите. Поймите – общество расколото, как никогда. И это наша главная задача – создать концепцию примирения с помощью некой единой художественной формы. Мы должны в полной мере раскрыть и подчеркнуть историческую значимость и художественную преемственность Нового Дюка. Памятник слишком смелый и современный, и нам... Сейчас... Секундочку... Жена на связи...

На этот раз свет не включился, проекция Нового Дюка продолжала свое неспешное вращение в середине темной комнаты. Артем просто отошел в сторону и, стараясь говорить потише, принял связь.

– Да, любимая, что такое? А, клещ, ну да... Слушай, Наташ, у меня сейчас важное... Ну перестань, пожалуйста. Слушай, да я тебя прошу, знаешь, сколько раз меня клещ кусал? Когда я тебе говорил, что я клещей никогда не видел? А, 10 минут назад... Так то когда было... Знаешь, сколько раз с тех пор меня клещ кусал? Ладно, любовь моя, у меня важное совещание. Ну вызови врача в конце концов, если тебе интернет не помог. Все, любимая, мне пора, ага, да, конечно, да, давай...

Артем устало вернулся.

– Да, так вот... На чем мы там остановились? А, ну да... Дюк... Новый Дюк... Кстати, кто что о нем думает?

Вопрос Артема утонул в общей тишине. Только Новый Дюк равнодушно вращался на одном месте. Он действительно был необычен: формы незаметно менялись, менялось выражение лица Дюка, менялась эмоция. Причем эмоция не только памятника, но и зрителя. И вместе с этим менялось ощущение, сама реальность, в конце концов. От Дюка было невозможно оторвать взгляд. Первым отреагировал Богдан:

– Мне не нравится. Мне не нравится Новый Дюк. Почему нельзя было старый восстановить? И что здесь будет от старого?

Обещали, будто Дюк будет состоять из фрагментов того самого Дюка – единственно настоящего. Где они? И почему он все время меняется?

– Я все узнаю. Пока в подробности не вдавался. Времени, конечно, мало, но оно есть – до Дня города еще полгода. Сколько там, кстати, нам исполняется?

– 262 года вроде.

– 641, во-первых.

– Сергей, ну перестань!

– Да чего переставать-то? Я согласен с Богданом! Посмотрите на этот ужас! Где наши традиции? Где наша история? Где наша известная атмосфера? У нас Французский бульвар уже официально переименовали во Французское шоссе! Вы хотите, чтобы вскоре после этого Дюка Приморский бульвар тоже превратилось в Приморское шоссе? Почему просто нельзя было сделать один в один со старым Дюком? Зачем эта высокотехнологичная безвкусица, которой и так заполнен наш город?

Тут уже не выдержала Вика, она даже привстала, но ее быстро опередил Костя:

– Послушай, Сергей. Город должен быть удобным для людей. Одесса наконец стала компьютеризированным городом, объединенным сетью и базами данных в единый организм. Мы стали по-настоящему современными и ассимилировались с миром. Революционные технологии цифровой эры расширили возможности человека, электронное мироощущение постепенно вытеснило традиционные и сформулировало новые смыслы и потребности. Город не может игнорировать новые слои информации. Город – живой объект, и он должен быть предельно чувствительным к рельефу современности.

– Та да, слышали, знаем, читали... Только вот никакой технологический прогресс не является оправданием градостроительному беспределу. Город, конечно, живой. Но развитие нового не должно уничтожать старого. Это как если ты себе купил новую навороченную машину, но при этом продал ради этого почку.

– Вы, ретрограды, всегда были против нового. Даже тогда, в 1828 году, когда памятник Дюку установили, вы, ретрограды, облачили его в римскую тогу, чтоб все было по железобетонной

классике еще с древних времен. А классическое эстетическое восприятие скульптуры уже давно подменяется современной гибридной композицией, направленной на решение функциональных, информационных и развлекательных задач. И Новый Дюк как никто другой претендует на роль образа не столько Новой Одессы, сколько Нового Мира вообще! Это отличный архитектурный объект, я считаю: современный, неожиданный, спорный!

– Мне кажется, или ты как-то даже рад, что старого Дюка взорвали?

– Ну я не то что бы рад, конечно же... Но я очень понимаю этих ребят! Кстати, никто не знает, их так и не нашли?

– Арт-террористов? Вроде нет, так и не нашли.

– А вот скажи мне, Костя, – Сергей все никак не мог успокоиться, – вот если ты их понимаешь, значит ли это, что ты их оправдываешь?

– Да не оправдываю я их! Но согласись – они все обставили очень красиво! Заложить взрывчатку прямо в неразорвавшееся ядро на постаменте – это предельно концептуально! Они как бы замкнули исторический цикл, ловко разыграв беспроигрышную карту божественного замысла. Это гениально, я считаю! А вот это: «Только гибель делает прекрасное еще более совершенным». Это же поэзия!

– Ну да, Мисима, «Золотой храм», – Артем уже давно понял, что сегодня ему от своей креативной группы добиться каких бы то ни было результатов вряд ли удастся, и просто сидел, с апатией наблюдая за происходящим.

– Какой Мисима?

– Ну, был такой древний японский автор, который ровно 100 лет назад, в 1956 году, выпустил свое программное произведение – «Золотой храм». В нем речь идет о сумасшедшем монахе, который сжег главную японскую буддийскую реликвию – Золотой Храм. Ну и как бы главная идея этого романа выражена именно в этой фразе – только гибель делает прекрасное совершенным. Ну, так нам на филологическом рассказывали, во всяком случае... Это не я придумал...

– О, вот, нашел! Зацените, ребята, мрачную апокалиптическую красоту их манифеста! – Костя неожиданно открыл глаза и, чуть

щурясь, начал зачитывать статью, всматриваясь просто в пространство перед собой. А так как перед ним был Новый Дюк, прозвучало все это довольно угрожающе и многосмысленно:

– Памятник Дюку слишком цельно вписан в Одессу. Это один из центральных символов города, узнаваемый и культурологически обоснованный. И сейчас, когда Одесса перестала существовать, Дюк стал символом Ничего. Он утратил связь с контекстом и историческими процессами и как следствие – утратил связь с реальностью. Возможна ли жизнь без Прекрасного? Что станет с городом, лишившимся своих символов? Мы всего лишь приближаем будущее. Без Дюка этот город уже никто не сможет назвать Одессой. Это будет новый город. И новая жизнь. Без Прекрасного. Это вы уничтожили Одессу. Мы лишь добавили последний штрих. Потому что только гибель делает прекрасное еще более совершенным.

– Гм... Я, конечно, не согласен, но... – начал было Богдан, но Артем эмоционально его перебил:

– А ведь эти придурки таки правы! Одесса планомерно убивается будущим, наступающим на пятки. Вся эта новая застройка, уничтожение памятников старины, переформатирование старого уютного европейского города в безликий цифровой населенный пункт, лишенный своей харизмы и незабываемой атмосферы. Тот город, в котором мы сейчас живем, – это не Одесса. Одесса давно закончилась. И вот этот Новый Дюк – это уже символ не Одессы, это символ конца Одессы! Символ поражения.

– И... Что?.. Что теперь? Одессы нет? А что же вместо нее? Для кого мы все это делаем? – голос Вики даже немного дрожал от волнения.

– Люди. Остались одни люди. Вот для них мы все это и делаем.

– Люди? Те самые, которые все уничтожили?

Дюк уже давно остановился в одной позе. Удивительно, но все мутации скульптуры закончились ровно на его классическом положении – с вытянутой в сторону Артема одной рукой и со свитком в лениво опущенной другой. Только на лице его читалась мимолетная смена эмоций. Он как будто следил за разговором. И сейчас было полное ощущение, что необычайной глубины грусть и печаль торжественно застыли на его лице.

Тишину неожиданно разорвал слегка деформированный голос Наташи. Она плакала:

– Артемчик, я умираю... Я все прочитала – оказывается, укус энцефалитного клеща смертельно опасен! Артем, у меня уже кружится голова, и давление поднялось. А врачи мне сказали, чтоб точно понять, что это энцефалитный клещ, мне его надо принести в баночке на обследование. А как я его принесу? Я же его выкинула сраааазуууууууу...

У Артема, видимо, соскочили какие-то настройки внутренней связи, и Наташа орала на весь кабинет. Артему, впрочем, было безразлично. Он был предельно погружен в мрачные сомнения.

– Артем, почему ты молчишь? Ты можешь что-то мне сказать? Успокой меня уже! Ведь я же не погибну от клеща в середине 21 века, да, Артем? Ведь это же было бы так глупо! Артем? Я же не погибну?

Наташа постепенно сама успокаивалась и переставала плакать. Все присутствующие окаменели в своих позах. С одной стороны, было некорректно проявлять эмоции по поводу чужого разговора, с другой стороны, все ловили каждое слово этой странной бытовой сцены. Артем сидел, прикрыв глаза руками. Было непонятно, о чем он сейчас думает. И тут в комнате неожиданно прозвучал голос Дюка. Он был мягок, приятен и потусторонен.

– Только гибель делает прекрасное еще более совершенным, Наталья.

